

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – НА УРОВЕНЬ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ

4 декабря 2012 года в САФУ состоялся научный семинар докторантов – историков Европейского Севера России. Проведение подобных ежегодных семинаров началось в 2006 году на базе Поморского университета и продолжается ныне в САФУ. Для докторантов – это прекрасная возможность не только представить результаты своих научных исследований, но и выслушать мнения старших товарищей и коллег, докторов наук, принять участие в дискуссии. Семинар неизменно проводится под руководством профессора, заслуженного деятеля науки РФ, председателя диссертационного совета САФУ и члена экспертного совета ВАК по истории В.И. Голдина. Он и открыл семинар своим выступлением на тему **«Докторское диссертационное исследование на современном этапе подготовки и аттестации научных и научно-педагогических работников»**.

Развернувшаяся в ноябре 2011 года в стране дискуссия о путях совершенствования системы научной аттестации, указал докладчик, воплотилась в новое Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, которое вступило в силу в феврале 2012 года. Главная идея заключается в том, чтобы повысить требования к диссертационным советам и их членам и превратить их в ключевое звено аттестационной работы. Требование о необходимости публикации статей в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, ранее распространявшееся только на соискателей ученых степеней, сейчас коснулось и членов диссертационных советов. Это представляется вполне закономерным, ибо последние качеством собственной научной деятельности должны доказывать свое право на участие в оценке диссертаций. Ведь не секрет, что ранее значительная часть докторов наук, членов диссертационных советов часто реально уже

не вела плодотворной научной деятельности и не имела публикаций в указанных журналах и изданиях. И это в полной мере подтвердилось в ходе работы по пересмотру сети диссертационных советов в стране.

Право на продолжение работы после мая 2012 года получили лишь 300 с небольшим советов, активно работавших в ведущих вузах и научных учреждениях страны. Остальные должны были привести свою работу и организацию в соответствие с новыми требованиями и, в частности, обеспечить наличие у каждого члена совета не менее трех статей в ведущих рецензируемых журналах за последние три года. Но даже это весьма либеральное требование поставило в сложное положение многие диссертационные советы. В дальнейшем эта норма будет расти.

В ходе развернувшейся работы по повышению качества аттестации соискателей ученых степеней произошли организационные и кадровые изменения, связанные с изменениями в самом ВАКе и профильном департаменте Министерства образования и науки РФ. Заметим, что оценка новым руководством Минобрнауки качества работы вузов страны в конце 2012 года и разделение их на эффективные и неэффективные также затронула и работу диссоветов, что привело к закрытию последних в ряде вузов, признанных неэффективными.

В русле происходящего хотелось бы привлечь внимание к главному – критериям докторского диссертационного исследования. Применительно к сфере истории оно должно соответствовать одной из двух формулировок: быть крупным научным достижением или решением крупной научной проблемы, имеющей важное социально-культурное или хозяйственное значение. Поэтому необходимо, чтобы уже при утверждении темы диссертации, а затем в ходе ее выполнения и на каждом этапе финаль-

ного обсуждения представленной работы (от кафедры до диссертационного совета и ВАКа), работа четко соответствовала этим критерияльным признакам. Публикуя научные работы, особенно в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, монографиях, отражающие основные достигнутые научные результаты соискателя, также следует помнить об этом требовании.

Хотелось бы в заключение коснуться еще двух моментов. Очень важно четко сформулировать научную гипотезу исследования, что, в конечном итоге, воплотится в основные научные положения, выносимые на защиту. Насто-

тельно рекомендовал бы также параллельно работать над текстом диссертации и над авторефератом. Основу последнего должен составить изначальный проспект диссертационного исследования, к которому по мере работы над диссертацией следует добавлять главные положения и выводы ее глав и заключения. Параллельная работа над текстом диссертации и автореферата позволит не только сэкономить время при выполнении исследования, но и максимально сосредоточиться в процессе работы над четкой формулировкой основных научных положений, выводов и результатов.

Выступления участников научного семинара

Трошина Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности института комплексной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ И НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX века НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Дискуссии о предпосылках драматических социальных изменений, происходивших в России, о причинах революции и ее роли в поступательном развитии российского общества в XX веке продолжают быть бурными, распространяясь за пределы научного сообщества. Разработка проблем этого периода в рамках социально-экономической и политической истории показала некоторую исчерпанность: получили освещение все значимые события.

На современном этапе происходит стремление найти объяснение военно-революционной эпохи во внутреннем развитии общества, исходя из того, что в определенных исторических обстоятельствах, нарушающих общественную эволюцию, развитие социальных процессов может приобрести формы кризиса и конфлик-

та. Следовательно, в условиях радикальных изменений социальные процессы можно рассматривать как отражение политических и идеологических конфликтов, позволяющих увидеть предпосылки и внутреннее содержание этих конфликтов, выявить как их внешние проявления, так и противоречивость психологического состояния общества в целом, отдельных его групп и конкретных людей.

Интерес автора к локальному варианту военно-революционной эпохи российской истории (первой четверти XX века) и ее повседневной составляющей сформировался в процессе работы в музейных историко-бытовых экспедициях в 1980-х годах, когда еще было живо поколение участников и свидетелей событий. Их рассказы внесли существенные коррективы

в сформированное трудами историков и доступными источниками представление о той эпохе. Новый ракурс исторической действительности дополнило знакомство с другими источниками личного происхождения, прежде всего воспоминаниями, которые комплектовались партийными архивами и другими научными учреждениями. Сравнение с опубликованными мемуарами позволило обратить внимание на непохожесть повествований об одних и тех же событиях в зависимости от влияния на мемуариста культурной среды и его личного жизненного опыта. Информационный потенциал мемуарных источников, авторами которых были современники основных событий первой четверти XX века, заключается в том, что в них отражена конкретная региональная культура, элементы коллективной памяти, что позволяет объективно оценить социокультурное поведение населения региона в переломную историческую эпоху. Именно воспоминания, оставленные носителями северорусской культуры, сформировали круг вопросов, на которые автор стал искать ответы путем эвристического поиска в архивных источниках.

Применение метода индукции подвело к выбору объекта исследования. Им стало обладавшее специфическим социальным опытом население Европейского Севера России в условиях его взаимодействия с универсальными для всей страны процессами, наиболее *динамичными и важными из которых* в первой четверти XX века являлись социально-демографические изменения, урбанизация, социально-культурная модернизация.

Подобный объект исследования позволяет изучать политические события в различных масштабах. Прежде всего, население конкретного региона, являясь развивающимся локальным геосоциальным организмом, по-своему реагирует на общенациональные процессы, в которые оказывается втянутым историческим развитием, придавая тем самым ему региональную специфику. Население на конкретном историческом этапе состоит из отдельных людей, социальных страт, культурных групп,

являющихся определенной квинтэссенцией всего предыдущего развития и одновременно обладающих особенностями, накладываемыми на людей современным им временем.

Рассмотрение важнейших социально-экономических и политических процессов в различных масштабах (общенациональном, региональном и на уровне человека, группы людей) позволяет выявить важнейшие оттенки и ракурсы изучаемой эпохи, изучить макроэффекты микрособытий, увидеть причину и смысл исторических событий в массовых явлениях микромира: судьбах рядовых людей, которые, руководствуясь личными мотивами в достижении жизненных целей, своими пристрастиями, надеждами и заблуждениями влияют на ход исторического процесса.

Исследование социальной жизни населения Европейского Севера убеждает, что, вопреки устоявшемуся мнению, модернизационные процессы рубежа XIX–XX веков не имели существенного влияния. Основополагающие культурные, психосоциальные характеристики населения, разделенного на социальные группы (имущественные, профессиональные, возрастные, сословные и пр.), были порождены особенностями природно-климатической среды и предшествующим опытом проживания людей на данной территории. Поэтому они длительное время оказывали сопротивление объективным обстоятельствам и усилиям властей, направленным на замену традиционных социальных связей отношениями, построенными на личных достижениях.

Поколение активных участников политических событий 1910-х годов представляло собой поколение россиян «большого демографического перехода», который в 1890–1900-е годы приобрел формы «взрыва», приведя к перенаселению и малоземелью даже в этом, казалось бы, пустынном крае. В результате содержанием первых десятилетий XX века стали процессы урбанизации, социально-культурной модернизации, ускоренной социальной и территориальной мобильности населения, его имущественного расслоения, а их последствиями – ломка

традиционной системы личностных, семейных и иных социальных ценностей, нарастание психологического напряжения в отдельных группах населения, что подготавливало почву для их политической радикализации. В этих условиях, отягощенных политическими катаклизмами военно-революционной эпохи, происходила социализация изучаемого поколения северян. Совокупность этих обстоятельств создала условия для быстрого, но поверхностного приобщения активной части поколения к образцам культуры и образу жизни высших слоев, создав тем самым предпосылки для резкого межпоколенного и социокультурного разрыва, с особой силой проявившегося в революционную эпоху.

Традиционная культура, обладавшая достаточным инерционным потенциалом, резко реагировала на разрушительные изменения путем реанимации архаичных форм социального выживания. В период кардинальных общественных перемен и возникшей для людей необходимости приспособиться к новым условиям жизни опасность для сплоченности социумов представляли как внутренние радикальные элементы, так и внешние силы. Противостояние внутреннему и внешнему давлению имело внешние проявления «архаизации» социальной и экономической жизни, в действительности являясь действием компенсаторных механизмов, не позволявших разрушить культурные константы.

Контактная информация:

адрес: 163012, г. Архангельск, ул. Кутузова, д. 8;
e-mail: tat-arh@mail.ru

Силин Андрей Вячеславович, докторант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики института педагогики и психологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ (на материалах Европейского Севера России)

Сложность и противоречивость развития нынешнего российского общества, его социальной и культурной сфер актуализируют потребность исторического осмысления с позиций новых методологических подходов и с учетом возможностей современного исследовательского инструментария проблем разработки и осуществления государственной образовательной политики, а также подготовки кадров различ-

ного уровня квалификации в условиях социально-политических потрясений и социально-экономической нестабильности. В данном контексте особую значимость приобретает изучение политики в области профессионального образования, разрабатывавшейся и реализовывавшейся в России в 1917–1941 годах.

Реформаторские усилия Временного правительства 1917 года и других управленческих

структур, направленные на изменение к лучшему ситуации в российском профобразовании, способствовали известному развертыванию инициативы органов местного самоуправления, профсоюзов и общественных организаций по развитию профессионального образования на Европейском Севере России.

Революционный максимализм большевиков 1918–1919 годов, базировавшийся на программной установке о «политехническом» обучении молодежи до 17-летнего возраста и вылившийся в ликвидацию или преобразование начальных профшкол в единые трудовые школы, Европейский Север практически не затронул. Сеть профессиональных учебных заведений региона удалось сохранить.

Создание в 1920 году советских органов управления, ведавших непосредственно профессиональным образованием, разворачивалось на Европейском Севере синхронно с этим процессом по всей стране. Однако в отличие от центра и других регионов северные органы управления профобразованием испытывали острейший кадровый голод и порой вынуждены были привлекать для выполнения управленческих функций наиболее способных представителей учащейся молодежи.

Политика «военного коммунизма» способствовала количественному росту профессиональных учебных заведений различного уровня подготовки, в т. ч. и высшего, в регионе. Но ставка на мобилизационные методы обеспечения курсов и школ учащимися и преподавательским персоналом, на учебную профессионально-техническую повинность, милитаризацию учебных заведений и «ударность» себя не оправдала.

Начало реализации новой экономической политики отрицательно повлияло на состояние профессионального образования на Европейском Севере. Сокращение финансирования, перевод учебных заведений на местный бюджет, материально-хозяйственные и организационные проблемы привели к закрытию ряда курсов, профшкол и вузов. Материальное положение преподавательского корпуса и учащейся молодежи было очень тяжелым. Восстановле-

ние народного хозяйства в ходе осуществления нэпа благоприятствовало некоторому улучшению ситуации в профессиональном образовании региона. Происходит рост числа учебных заведений и количества учащихся, особенно в системе школ фабрично-заводского ученичества. Правда, хозяйственные организации рассматривали содержание школ ФЗУ как своего рода «налог» на промышленные предприятия, а местные органы власти далеко не всегда должным образом заботились о состоянии профшкол. Материально-техническая оснащенность сферы профобразования оставляла желать лучшего. Несмотря на некоторые позитивные подвижки, материальное обеспечение педагогов и учащихся существенно не улучшилось.

Свертывание нэпа, принятие новой общегосударственной концепции модернизации страны и ускорение темпов социально-экономического развития в конце 1920-х – начале 1930-х годов повлияли на создание вузовской системы и расширение сети средних специальных учебных заведений в регионе; в эти же годы было заложено основы заочного образования. В целом местные учебные заведения за короткий промежуток времени смогли внести весомый вклад в подготовку специалистов различного уровня, хотя как по количественным, так и по качественным показателям учебные заведения региона не сумели выполнить директивных заданий властей. Учебные заведения лихорадило от реформ 1928–1929 годов, связанных с усилением идеологического давления на сферу образования, передачей их в ведение ВСНХ, наркоматов и ведомств.

Исследование ситуации, сложившейся в системе профессионального образования региона в годы первой пятилетки, выявило бесперспективность ориентации образовательной политики лишь на потребности текущего момента, только на сиюминутные запросы хозяйствующих субъектов, на стремление получить конечный результат образования с минимальными финансовыми затратами и в максимально укороченные сроки.

Партийно-государственными постановлениями середины – второй половины 1930-х годов система профессионального образования

в стране и управление ею были упорядочены. К началу 1940-х годов в результате проведенных реорганизаций и реформ на территории Европейского Севера стабилизируется сеть профессиональных учебных заведений, возрастает финансирование профобразования, разворачивается капитальное строительство в этой сфере, возвращаются традиционные методы преподавания, повышается успеваемость учащихся.

Завершение создания советской системы профессионально-технического образования в регионе к началу 1940-х годов в том виде, в каком она просуществовала без серьезных изменений на протяжении последующих почти двух десятилетий, связано с формированием государственной системы трудовых резервов.

Комплексное исследование государственной политики в области профессионального образования в условиях социально-политических и социально-экономических катаклизмов первых двух десятилетий советской истории позволяет извлечь некоторые уроки. Важнейшими из них являются следующие. Государство должно заботиться о достойном финансировании профессионального образования, обеспечении учебных заведений необходимой материально-технической и учебно-методической базой, а также квалифицированными педагогическими кадрами. Реформы образования приносят позитивный эффект тогда, когда они носят системный характер, а не сводятся к «латанию дыр», паллиативным мерам по сглаживанию кричащих противоречий.

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, пр. Ленинградский, д. 40;
e-mail: Silin23@yandex.ru

Кузьминых Александр Леонидович, доктор-ант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

СИСТЕМА ВОЕННОГО ПЛЕНА И ИНТЕРНИРОВАНИЯ В СССР (1939–1956): ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ*

Система органов и учреждений военного плена и интернирования, образованная в структуре Наркомата внутренних дел СССР в самом начале Второй мировой войны, закончила свое существование лишь спустя 10 лет после окончания самой войны. В течение этого времени Управление по делам военнопленных и интернированных превратилось в один из крупней-

ших главков в системе НКВД–МВД. Деятельность УПВИ–ГУПВИ, его организационно-структурное устройство, место и роль в системе государственных органов определялись приоритетными направлениями внутренней и внешней политики сталинского руководства.

В истории системы УПВИ–ГУПВИ отчетливо выделяются четыре этапа: становления

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-01-00344а).

© Кузьминых А.Л., 2013

(1939–1941), эволюции (1941–1945), функционирования (1945–1950) и расформирования (1950–1956).

На первом этапе происходит образование системы органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР, вызванное началом Второй мировой войны. В этот период создаются первые учреждения для приема и содержания военнопленных, оформляется законодательство по вопросу их содержания и трудового использования.

В период Великой Отечественной войны система органов и учреждений военного плена и интернирования совершенствуется структурно и организационно. Окончательное оформление она получила в январе 1945 года, что выразилось в создании Главного управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). Одновременно происходит разделение ГУПВИ на два управления: Управление по делам военнопленных и Управление по делам интернированных и мобилизованных.

В послевоенный период главной задачей ГУПВИ становится трудовое использование военнопленных и интернированных и их подготовка к репатриации. К началу 1950 года СССР покидает основная масса военнопленных и интернированных, и в мае того же года советское руководство заявляет о завершении процесса репатриации. В лагерях оста-

ются осужденные военнопленные и интернированные, а также лица, отстраненные от репатриации по политическим и иным соображениям.

Завершающий период существования системы органов и учреждений военного плена и интернирования (1950–1956) характеризуется процессом расформирования лагерной инфраструктуры. Осуществляется передача оставшихся в СССР осужденных военнопленных и интернированных представителям иностранных государств. В апреле 1953 года УПВИ упраздняется, а оставшиеся лагерные учреждения переходят в ведение Тюремного управления МВД. Последние осужденные военнопленные и интернированные покидают СССР в декабре 1956 года, что приводит к ликвидации последних учреждений для содержания военнопленных и интернированных.

На протяжении всего периода своего существования система УПВИ–ГУПВИ тесно взаимодействовала с другими подразделениями и ведомствами НКВД–МВД, однако наиболее плотно – с системой ГУЛАГа. Можно говорить о том, что органы и учреждения военного плена создавались на кадровой и материальной основе ГУЛАГа. Опыт деятельности советской пенитенциарной системы оказал непосредственное влияние на организацию режима, охраны, жизнеобеспечения и трудового использования военнопленных и интернированных.

Контактная информация:

адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2;

e-mail: istorial@mail.ru

Кустышев Андрей Николаевич, докторант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и культуры Ухтинского государственного технического университета

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ГУЛАГА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ: МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Анализ статистического материала, характеризующего эволюцию трудовых ресурсов ГУЛАГовских образований на территории Европейского Севера России, способствует получению данных, которые определяют научно-исследовательскую перспективность данного методологического подхода к изучению мобилизационных возможностей системы принудительного труда в ГУЛАГе. Помимо того, подобный анализ является одним из аспектов решения крупной научной проблемы, связанной с определением эффективности принудительного труда.

Репрезентативность полученных данных и, соответственно, научная значимость сделанных на основе их анализа выводов определяются акцентированными исследовательскими усилиями, направленными на изучение периода, который стал апогеем мобилизационной модели экономической системы (конец 1930 – начало 1950-х годов).

Общество, функционирующее в мобилизационном режиме, не может не игнорировать критерии экономической целесообразности. Основная системообразующая черта мобилизационной экономики в СССР, органичным элементом которой являлись трудовые ресурсы ГУЛАГовских образований, состояла в том, что она функционировала, игнорируя критерии экономической целесообразности и эффективности. В качестве обязательных требований

здесь выступали сроки реализации и безусловное достижение цели, а подготовка и реализация хозяйственных решений не находилась в прямой связи с оценками экономической эффективности и целесообразности и часто осуществлялась вопреки логике этих оценок.

Перманентные структурные изменения трудовых ресурсов ГУЛАГовских образований соответствовали внутренней логике функционирования мобилизационной модели государства. Данное обстоятельство дает повод изменить акцент исследовательских усилий, направленных на определение эффективности системы принудительного труда, способствует пониманию того, что корректное исследование проблемы эффективности принудительного труда невозможно без осмысления мобилизационного характера советской экономики 1930–1950-х годов.

Подобная концептуальная установка актуализирует параллельные и взаимодополняющие методологические подходы к изучению трудовых ресурсов ГУЛАГовских образований. Речь идет о пролонгированном анализе косвенных потерь, определяемых динамикой неработающих заключенных и спецпереселенцев, с одной стороны, и представляющем особый научный интерес исследованию структуры рабочей силы исправительно-трудовых лагерей, колоний и спецпоселений, позволяющем вывести формальный критериальный показатель эффективности управления трудовыми ресурсами в системе

ГУЛАГа (мобилизационных усилий), – с другой. Мобилизационные установки, являющиеся ориентиром для системы принудительного труда, предполагали в качестве такого критерия степень соответствия уровней физического состояния заключенных, использования их по имеющейся (или близкой) специальности росту численности занятых на производстве.

Анализ источников показывает, что простое увеличение численности работников (спецконтингента), являющееся одним из векторов экстенсивной экономики, не влекло само по себе усиления мобилизационного потенциала ГУЛАГовской системы. Дефицит полноценных трудовых ресурсов, задействованных в производственных процессах, на протяжении всего периода развития мобилизационной экономики оставался для ГУЛАГа фоновым явлением, независимо от показателей среднесписочного состава спецконтингента.

Хронической проблемой системы принудительного труда в рамках ГУЛАГа на протяжении всей ее истории оставался огромный сегмент неработающего населения. Анализ сложной структуры спецконтингента ГУЛАГовских образований позволяет сделать вывод о том, что основными факторами, способствовавшими росту численности не вовлеченных в производство заключенных, спецпереселенцев, оставались во многом взаимосвязанные обстоятельства, приводившие к физической деградации подневольного населения в условиях усиления эксплуатации, ужесточения режима содержания.

Проведенные исследования позволяют делать вывод о спонтанном характере управления трудовыми ресурсами ГУЛАГовских образований, определяемого стремлением обеспечить максимальную трудовую отдачу подневольных контингентов. При этом ГУЛАГовская система принудительного труда искусственно пыталась оптимизировать состав своих трудовых ресурсов, не принимая в расчет физические возможности людей, не считаясь с угрозой их здоровью и жизни.

Межлагерные переброски уже в 1930-е годы становились не только механизмом распределения трудовых ресурсов, но и фактором, создающим угрозу их рациональному использованию, приводившему к существенным потерям. Таким образом, мобильность спецконтингента на практике зачастую становилась обстоятельством, скорее компенсирующим мобилизационные возможности системы принудительного труда, чем усиливающим их.

Неполное, фрагментарное соответствие советской пенитенциарной системы потребностям мобилизационной экономики СССР 1930 – начала 1950-х годов явилось следствием тех взаимосвязанных и фатальных проблем, которые в конечном итоге определили кризис и распад данной системы в постсталинский период. Характерной чертой данного периода, с учетом начавшейся в 1946 году холодной войны, являлось изменение вектора мобилизационных усилий, направленных на интенсификацию производства, что, в свою очередь, противоречило экстенсивному характеру экономики ГУЛАГа.

Контактная информация:

адрес: 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская д. 13;

e-mail: akustyshev@ugtu.net

Павлушков Александр Рудольфович, докторант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД:
ПОСТАНОВКА ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В современных условиях модернизации российского общества усиливается потребность в обращении к историческим традициям реформаторства с целью переосмысления исторического опыта функционирования важнейших политических и социальных институтов, особенно церкви и государства. Это связано с тем, что Русская Православная Церковь (далее РПЦ) и государство на протяжении тысячелетия представляли собой единую социальную материю, скрепленную идеологически, духовно и функционально. Именно поэтому обращение к одному из направлений совместной деятельности церкви и государства в реализации карательной политики представляют актуальность и научный интерес.

Не касаясь вопросов историографического и источниковедческого обзора заявленной темы (это является предметом самостоятельного изучения), подчеркнем, что в отечественной историографии был накоплен большой опыт изучения отдельных проявлений государственно-церковных отношений. Однако вопрос о месте РПЦ в карательной политике государства не получил должного освещения. Большинство дореволюционных и современных исследований были посвящены изучению различных сторон церкви и государства: социальных, правовых, культурологических.

Именно это обстоятельство актуализирует представленную тему и побуждает всестороннее изучить имеющийся опыт государственно-церковного взаимодействия в эволюции российской системы наказания в имперский период, когда государство особенно активно воздействует на все сферы общественной жизни и пытается придать РПЦ новые государственные функции.

Перед исследователем стоит сложная задача дать критическую оценку места и роли Русской Православной Церкви в системе наказания как исторического явления в совокупности институциональных составляющих.

В этой связи использование институционального подхода является вполне логичным и обоснованным, поскольку социально-политическая организация общества рассматривается как комплекс различных объединений граждан – институций. В данном случае это государство, церковь и семья. Институциональный подход является по своей сути междисциплинарным, т. к. используется в различных областях научных знаний. Понятие институционализма включает два аспекта: «институции» – нормы поведения, традиции, законы и «институты» – организации и учреждения, действующие в обществе. Именно институциональный характер взаимоотношений церкви

и государства, т. е. их переплетение и взаимопроникновение, предопределило своеобразие российской системы наказания. Использование институционального подхода, таким образом, дает возможность проанализировать более полный спектр взаимоотношений РПЦ и государства в области карательной политики во взаимосвязи с политическими, правовыми, социальными проблемами.

Три важнейших института: государство, церковь и семья – фактически формируют три орбиты исследования, что в итоге определяет его содержание и структуру. Первый уровень – это церковь с собственной системой наказания, субъектами правоотношений которой являлись одновременно и клир, и миряне. Изучение этого института, а точнее его карательной системы, представляет интерес в силу того, что на протяжении длительного времени церковная система наказания существовала параллельно со светским государством. Более того, государство интегрирует некоторые нормы церковного права, приспособляя их к собственным нуждам и усиливая воздействие на РПЦ. При этом полного их поглощения не происходит, однако система церковного наказания именно в синодальный период подвергается кардинальной трансформации. В центре внимания исследования будет изучение различных форм воздействия на правонарушителей со стороны различных церковных инстанций.

Второй уровень – государственная система наказания и место церкви в ней. В данном случае рассматриваются проблемы поиска более совершенной модели взаимоотношений государства и церкви в области карательной политики, когда государство начинает формировать новый облик пенитенциарной системы в результате тюремной реформы. Фактически происходит новая институционализация церкви внутри государственной системы наказания, когда формируется штат тюремных священнослужителей, наделенных соответствующими полномочиями и строго очерченным правовым статусом; когда появляется комплекс церковных учреждений, выполняющих

пенитенциарные функции; когда на церковь возлагаются новые задачи, что находит отражение в правовой доктрине и государственной идеологии.

Третий уровень – это семья, где церковь рассматривается как инструмент формирования общественного сознания. Речь идет о двух самостоятельных направлениях. В более широком понимании – это комплекс мер, осуществляемых церковными учреждениями по формированию общественного сознания (публичные проповеди, духовно-пасторская и просветительская деятельность церкви). В более узком понимании – это работа РПЦ с отдельными категориями населения, которые уже понесли наказание. В данном случае возникает необходимость изучения таких вопросов, как духовное попечительство, благотворительность, назидание и воспитание населения. По сути, это комплекс мер профилактического характера, которые церковь осуществляла внутри прихода.

Теоретико-методологической основой исследования является междисциплинарный системный подход, предполагающий рассмотрение объекта исследования как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними. С позиций междисциплинарного системного подхода возможна многомерная реконструкция сложной исторической реальности. Важной составляющей методологии исследования является структурно-функциональный анализ, который предполагает выделение в социальных системах структурных составляющих и осознание их функционального взаимодействия. С помощью этого метода исследуется институционализация РПЦ в государственный карательный механизм.

Таким образом, по своему характеру и масштабу поставленных проблем заявленная тема является вполне востребованной. Рациональное и критическое осмысление традиции церковно-государственного взаимодействия в области карательной политики составляет главную задачу данного междисциплинарного исследования, а его научная новизна видится

прежде всего в попытке на основе значительного корпуса источников осуществить ком-

плексный анализ развития государственно-церковных отношений в системе наказания.

Контактная информация:
адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2;
e-mail: apavlushkov@yandex.ru

Минаева Татьяна Станиславовна, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ГИПОТЕЗЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Гипотезой называют высказывание или теорию (совокупность определенных высказываний), представляющих собой некоторое предположение, т. е. предположительный ответ на некоторый вопрос о существовании, причинах какого-то явления, его происхождении и т. п.¹

Авторская гипотеза исследования складывается по мере накопления фактов по изучаемой проблеме и требует как четкой формулировки, так и обоснованного доказательства, т. е. проверки. С помощью выдвижения гипотез осуществляется переход от уже имеющихся в науке выводов и предположений к новым научным знаниям, поэтому каждая научная гипотеза должна базироваться на фактах и не противоречить другим теориям в той же области, истинность которых уже была доказана.

В науке выделяются разные типы гипотез, различающиеся своей познавательной значимостью. **Общая гипотеза** – это научно обоснованное предположение о причинах, законах и закономерностях природных и общественных

явлений. Общие гипотезы выдвигаются с целью объяснения всего класса описываемых явлений, установления закономерного характера их взаимосвязей независимо от места и времени возникновения этих явлений.

Частная гипотеза – это научно обоснованное предположение о причинах, происхождении и о закономерностях части объектов, выделенных из класса рассматриваемых объектов природы и общественной жизни².

Первичная, или рабочая, гипотеза определяет направление исследования, его основные задачи, критерии классификации и оценки фактов. Такие гипотезы применяются чаще всего тогда, когда исследуемая область мало разработана. Они играют вспомогательную роль при сборе материала и его первоначальной классификации. Результаты исследования, полученные на основе рабочей гипотезы, создают предпосылки для дальнейшего познания и помогают сформулировать научную, или реальную, гипотезу.

Пути построения гипотезы различны. Гипотеза может основываться на фактическом

¹Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. М. 2001. С. 463.

²Алехин Э.В. Исследование социально-экономических и социально-политических процессов. Пенза, 2008. С. 36.

материале и идеях, предложенных другими исследователями, в этом случае необходимо проверить, что в них верно, неоспоримо, а что неточно и требует дальнейшего научного поиска и анализа. Но преимущественно гипотеза должна формулироваться только после тщательного изучения теоретических основ исторической проблемы и практического состояния в науке исследуемого вопроса. В ходе проведения научно-исследовательской работы возникают и уточняются положения гипотезы, может меняться и ее формулировка, совершенствоваться и обогащаться методика ее проверки.

Представленная работа А.Л. Кузьминых является собой очень хороший образец обоих вариантов разработки научной гипотезы. Автор не только анализирует гипотезы предшествующих исследователей с их различной методологией, но и представляет свой собственный теоретический подход к историческому явлению и обосновывает выводы с помощью соответствующей документальной базы.

При разработке гипотезы необходимо, в особенности начинающим исследователям, последовательно продумать и дать ответ на следующие вопросы: 1. В чем сущность изучаемого процесса, явления? 2. Что представляют собой составные элементы объекта исследования, из которых складываются изучаемое качество, признаки и свойства, структура явлений? 3. Какова модель изучаемого процесса, исторического явления? 4. Как можно схематически изобразить составные элементы и связи между ними? 5. Какие данные есть для такой модели? 6. Какие предположения можно сделать по косвенным данным, по интуиции? 7. Как предположительно протекает процесс, явление, что происходит с элементами при развитии явления? 8. Как изменяется их связь под воздействием внешних условий?³

Только когда ответы на эти вопросы будут найдены и сформулированы, может появиться собственная обоснованная научная гипотеза исследования, требующая разработки методов ее проверки. А.В. Силин в своем выступлении представил обоснование актуальности, практической значимости разрабатываемой им научной темы, основные выводы, которые были сделаны в процессе работы. Однако, по ее мнению, сложно составить представление об объективности этих выводов, обоснованности авторской гипотезы, не имея возможности ознакомиться с текстом исследования, который автором не был подготовлен к обсуждению.

А.Н. Кустышев выбрал для написания очередной главы исследования мобилизационную модель развития советской экономики, но обоснованность существования подобной модели подкреплена ссылкой только на две статьи 1980-х годов и цитату из работы И.В. Сталина, что явно недостаточно, чтобы иметь возможность соглашаться или опровергать данную теорию применительно к истории трудовых лагерей. Докторант показывает хорошее знание документальных источников по теме исследования, но не всегда использует необходимый фактический материал для доказательства отдельных положений исследования. А.Н. Кустышев представляет сущность изучаемой исторической проблемы, но ему надо обратить внимание и на тщательное подтверждение своих выводов документальным материалом.

Проблемное видение является особым индивидуальным качеством человека, оно формируется на основе сочетания опыта, интуиции и исследовательских способностей. Данное качество необходимо каждому исследователю и должно развиваться в процессе его научной деятельности.

³Веленский М. Гипотеза исследования как метод развития научного знания. URL: www.apkpro.ru/content/view/2294/306 (дата обращения: 01.12.2012).

В ходе обсуждения докторанты ответили на все адресованные им вопросы. В заключительной части семинара состоялся обмен мнениями и научная дискуссия.

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: mintataina@yandex.ru

Составители: Голдин Владислав Иванович,

доктор исторических наук,

профессор кафедры регионоведения и международных отношений

института социально-гуманитарных и политических наук

Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: v.goldin@narfu.ru

Трошина Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук,

доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности

института комплексной безопасности

Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

адрес: 163012, г. Архангельск, ул. Кутузова, д. 8;

e-mail: tat-arh@mail.ru